

І. РЕАЛИЗАЦИЯ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РАЗНЫХ ТИПАХ ТЕКСТА

УДК 811.112.2

Е. А. ГОНЧАРОВА

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

РЕЧЕВЫЕ СИГНАЛЫ ДИСКУРСИВНОЙ ОТКРЫТОСТИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА LAUDATIO

Ключевые слова: тип текста, дискурсивная практика, дискурсивная доминанта, мелиоративная оценка, речевой этикет, красноречие.

В статье предлагается интерпретация композиционно-речевых сигналов дискурсивной открытости типа текста *Laudatio*, который имеет в европейской и немецкой культуре достаточно длительную историю в качестве письменной и устной реализации «похвальной речи», входящей в дискурс «Чествование/Награждение». В основе интерпретации лежит, во-первых, подход к изучаемому типу текста как к одной из жанрово-текстовых форм известной со времен античной риторики эпидейктической речи. Композиционно-смысловую стержень этой речи составляют высказывания, содержащие прямую или косвенную мелиоративную оценку чествуемого/награждаемого лица и не столько сообщающие новые сведения об этом лице, сколько формирующие у читателей/публики положительное отношение к нему. Во-вторых, современная методика дискурс-анализа позволяет рассматривать текст лаудации как осуществление определенной «дискурсивной практики», а именно социальной практики (корпоративного) чествования. Сочетание в содержании и форме *Laudatio* таких «дискурсивных доминант», как, с одной стороны, сигналов конвенционального «речевого этикета», а с другой — элокутивных средств авторского красноречия и изобразительности, повышающих степень эмоционально-экспрессивного воздействия текста, определил и две генеральные линии анализа способов формулирования, типичных для этого типа текста. К сигналам «речевого этикета», рассматриваемым в статье, принадлежат формы обращения говорящего к публике и лауреату, а также совокупность средств усиления прагматической активности «субъектной позиции» лауреата — фактического объекта речи. Ораторский «речевой этикет» соблюдается лаудатором и с помощью отодвигания на задний план номинаций и атрибуций собственной персоны. Этому способствуют, среди прочего: цитация реальных высказываний лауреата в форме прямой, несобственно-прямой или косвенной речи; ссылки на его литературно-художественные произведения; высказывания третьих лиц, прямо или опосредованно характеризующие награждаемое лицо.

SPEECH SIGNALS OF THE DISCURSIVE OPENNESS IN GERMAN LAUDATIO TEXTS

Keywords: text type, discursive practice, discursive dominant, ameliorative evaluation, speech etiquette, eloquence.

The article offers an interpretation of compositional speech signals of discursive openness in the *Laudatio* text type, which has a fairly long history in European and German culture as written and oral realization of “praising speech” included into the discourse of Honoring and Awarding. The interpretation is based, first, on the approach to the text type under study as to one of genre and text forms of the epideictic speech known since the ancient rhetoric times. The compositional and meaningful core of this kind of speech is comprised by utterances containing direct or indirect ameliorative evaluation of the honored/awarded person and not so much communicating new information about this person as forming the readers’/audience’s positive attitude towards the person. Second, the modern methods of discourse analysis allow us to treat the *Laudatio* text as one realizing a specific “discursive practice”, namely, social practice of (institutional) honoring. The content and the form of the *Laudatio* is characterized by a combination of such “discursive dominants” as, on the one hand, conventional “speech etiquette” signals and, on the other hand, elocutionary means of the author’s eloquence and figurativeness which increase the emotional and expressive effect of the text. This combination has defined the two main lines of analyzing the way of formulation typical of the given text type. The “speech etiquette” signals considered in the article include the forms of addressing the audience and the laureate (the actual speech object) as well as the complex of means of enhancing the pragmatic activity of the laureate’s “subject position”. The public speaker (*Laudator*) also observes the “speech etiquette” by means of overshadowing the nominations and attributes which refer to the person of the speaker her-/himself. This effect is achieved, among all, by the following means: quoting the laureate’s real utterances in the forms of direct, uttered represented or indirect speech; references to her/his literary works; and third parties’ utterances which characterize the awarded person directly or indirectly.

1. Об истории и эволюции типа текста *Laudatio* в немецкой культуре

Текст *Laudatio*, или *Laudation* (от лат. *laudare* «восхвалять, превозносить»), имеет в европейской и, соответственно, немецкой культуре длительную историю, продолжая оставаться и в наше время общим стандартным обозначением похвальной публичной речи. Подобная речь произносится обычно общественно признанным, авторитетным лицом по случаю присуждения кому-то ученой степени или звания, а также юбилея или награждения с целью

представления публике достижений и достоинств чествуемой или награждаемой персоны. В русской культуре также существует заимствование «лаудация», которое, однако, значительно реже, чем в немецком узусе, используется в качестве обозначения автономного типа текста, заменяясь, как правило, словосочетаниями «приветственная речь», «похвальное слово»¹.

В основе формулирования текста лаудации, уходящего корнями в Античность, лежит так называемая эпидейктическая речь, которая выделялась в риторике Аристотеля наряду с совещательной и судебной речью и понималась как речь, связанная с осмыслением прекрасного и постыдного, добродетели и порока [1, с. 33–41]. В интенциональный план этого вида речи традиционно входят, соответственно, либо похвала, либо порицание, причем не только конкретного — добродетельного или порочного — человека, но и любого другого творения природы или явления из мира людей. При этом убеждающее воздействие на публику любой эпидейктической речи складывается из трех моментов: качества самой речи, нравственности говорящего, настроения и отношения к нему слушателей [1, с. 19–20]. Исходя из вышесказанного, композиционно-смысловая стержень любой эпидейктической речи и, следовательно, текста лаудации как одной из форм ее жанрово-текстовой фиксации составляют высказывания, содержащие прямо или косвенно выраженную мелиоративную либо пейоративную оценку. Суть информации подобных оценочных высказываний состоит не столько в сообщении новых сведений о предмете речи, сколько в формировании у публики соответственно положительного или отрицательного отношения к нему.

К главным особенностям речевых действий автора лаудации как вида эпидейктического текста, фиксируемого в письменной форме и устно воспроизводимого перед публикой, принадлежит далее, с одной стороны, соблюдение определенных правил ораторского речевого этикета, связанных с предписанным общим церемониалом процедуры чествования или награждения лауреатов. С другой стороны, со времен Аристотеля автору лаудации, выступающему в функции оратора, рекомендуется использование «неожиданных суждений и мыслей, которые возбуждают слушателей,

¹ В дальнейшем лексемы *Laudatio* и *лаудация* используются в статье как взаимозаменяемые терминологические обозначения описываемого типа текста.

эмоционально убеждают их, воздействуют на них» [3, с. 19]. А это, в свою очередь, предоставляет речевому субъекту достаточно широкую свободу в творческом выборе риторических и стилистических средств, свидетельствующих о его языковой креативности.

Конвенциональный характер текста *Laudatio* объясняется исторически также и тем, что первоначально он использовался в античности для достаточно ограниченного круга коммуникативных ситуаций: 1) как доброжелательное публичное показание или защитная речь в суде (*laudatio iudicialis*) или 2) как похвальное надгробное слово (*laudatio funebris*). Можно предположить, что говорящий должен был в подобных ситуациях посредством своего выступления создать исключительно положительный образ человека — предмета речи и убедить присутствующих в истинности даваемых положительных оценок. Кроме того, названные коммуникативно-речевые ситуации требовали от говорящего во все времена соблюдения существенных для социума культурных и моральных норм, прагматическая опора на которые повышала бы эффект воздействия его речевого высказывания на слушателей.

Очерченный выше комплекс текстовых характеристик *Laudatio*, созданных традицией, позволяет рассматривать его в логике современного дискурс-анализа как актуализацию определенной «дискурсивной практики», так как он свидетельствует о «предрасположенности членов социума вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций (на уровне метакоммуникативной рефлексии это выражается фразой «сейчас так принято») [2, с. 31]. Дискурсивная практика, закрепляемая с помощью текстов лаудации, которые формулируются в соответствии с устоявшимися в культурно-историческом и языковом сознании социума нормами и, исходя из этого, содержат в своей композиционно-смысловой структуре ряд определенных «дискурсивных доминант», то есть обязательных коммуникативно-прагматических и лингвостилистических компонентов, «опосредует» на их основе «социальную практику» (корпоративного) чествования (по: [2, с. 27]).

Роль дискурсивных доминант в комплексе традиционных особенностей анализируемого текста играют:

- а) жанрово-речевая (эпидейктическая) «ткань» лаудации;
- б) связанная с ней «пафосная» эмоциональная экспрессивность текстового целого;

- в) очерченный круг коммуникативно-речевых ситуаций, в которых текст создается и в устной форме преподносится публике;
- г) сосредоточенность автора на положительных характеристиках тематического объекта текста.

Сам факт наличия подобных дискурсивных доминант, как и семантика их обозначений, свидетельствуют о том, что формулирование и воспроизводство текстов *Laudatio* не могут не подчиняться, как уже отмечалось, правилам ораторского речевого этикета, конвенционально предписанным общим церемониалом процедуры чествования.

Сказанное выше позволяет, далее, говорить о «дискурсивной открытости» лаудации, то есть о ее функционально-смысловых корреляциях — как с другими текстами церемониала публичного награждения, так и с иными видами риторических текстов, в основе которых также лежит интенция «выражение почтения и/или благодарности» (поздравительное письмо, речь по случаю юбилея и другие). В содержание понятия «дискурсивная открытость» текста *Laudatio* может быть включен и особый характер прагматически «расщепленной» коммуникативно-речевой обращенности лаудатора, с одной стороны, к чествуемому лицу, а с другой — к публике, являющейся обязательной участницей процедуры награждения.

2. Сигналы речевого этикета в структуре текста *Laudatio* и их коммуникативно-прагматические функции

Следование традиционным нормам формулирования и воспроизводства подтверждается наличием в композиции и современных текстов лаудации целого ряда характерных для них «этикетных речевых знаков», или «этикетных формул». Под последними понимаются более или менее устойчивые речевые единицы, принятые в определенных ситуациях речевого общения, прежде всего как средство для установления и поддержания контакта с аудиторией (ср.: [3, с. 313; 5, с. 409–419]). Выполняя в первую очередь функцию вежливости, этикетные речевые формулы одновременно с этим задают характер отношений между оратором и слушателями и настаивают последних на доброжелательное восприятие произносимого текста. Несоблюдение этикетных норм в построении текста

считается нарушением «культуры общения» и «коммуникативной неудачей» или проявлением «бестактности», обозначаемой в риторической традиции как «fauxpas» [7, S. 188 f.].

Роль этикетных речевых знаков в тексте лаудации принадлежит в первую очередь формам приветствия чествуемого лица, а также обращений к нему. Осуществляемый при этом контакт между говорящим (так называемым лаудатором) и лауреатом может иметь два полюса: 1) официально-вежливое отношение, 2) дружеское отношение. Анализ современных немецких текстов *Laudatio* по случаю вручения разнообразных международных и отечественных литературных премий показал, что обращения к чествуемому лицу в абсолютном большинстве случаев построены по формуле: прилагательное *liebe(-r)* + существительное *Herr/Frau* + фамилия («дорогой/-ая + господин/госпожа + фамилия»). Только в двух текстах были обнаружены модификации этой формулы:

1. В речи, посвященной вручению Эриху Кёстнеру премии имени Георга Бюхнера, автор текста лаудации, известный немецкий писатель и журналист Казимир Эдшмид, в течение всего высказывания последовательно (пятикратно) использует форму обращения *Lieber Kästner* («дорогой Кёстнер»). Это обращение согласуется с вежливым местоимением *Sie* («Вы»), что можно считать выражением коллегиальной солидарности и симпатии между двумя литераторами. Подтверждением невозможности для лаудатора выразить «академически серьезное» отношение к Э. Кёстнеру, приличествующее ситуации, служит и весь зачин текста, который построен как риторическая фигура семантико-синтаксической компрессии, дающая в сжатой форме (мелиоративную) оценку квинтэссенции творчества лауреата:

Lieber Kästner,

es ist nichts schwerer, als mit akademischem Ernst über einen Mann zu reden, der durch seinen Charme ebenso wie durch seine delikate dosierten Satiren viele Menschen heiter gestimmt hat. Diese Heiterkeit in Ihrem Werk wird oft missverstanden (DASD).

«Дорогой Кёстнер,

нет ничего труднее, чем с академической серьезностью говорить о человеке, который и своим юмором, и деликатно выстроенными сатирическими текстами приводит в веселое настроение многих

людей. Эта веселость в Вашей литературе часто недопонимается» (здесь и далее перевод мой. — Е. Г.).

2. В тексте *Laudatio* по поводу вручения Штарнбергской литературной премии писательнице Петре Морсбах лаудатор Й. Штрассер дважды — в начале и конце текста — обращается к лауреату в форме *Liebe Petra* («Дорогая Петра»), объясняя дружескую непринужденность обращения, в том числе, собственной близостью к жизни и творчеству героини:

Meine Damen und Herren, liebe Petra!

Es ist das zweite Mal, dass ich eine Laudatio auf Petra Morsbach zu halten habe. Das erste Mal war vor ziemlich genau acht Jahren bei der Verleihung des Marie-Luise-Fleißer-Preises. Die Gründe, sie zu loben, sind inzwischen noch zahlreicher geworden, was die Sache nicht vereinfacht, weil ich mich heute sehr viel kürzer fassen muss als beim ersten Anlass. <...>

Liebe Petra, ich gratuliere Dir herzlich zum Starnberger Literaturpreis (JS).

«Дамы и господа, дорогая Петра!

Сегодня я во второй раз уполномочен произнести похвальную речь в честь Петры Морсбах. В первый раз это произошло приблизительно восемь лет назад по случаю присуждения ей премии Марии Луизы Флейсер. Причин для похвалы лауреата стало еще больше, что не облегчает моей задачи, так как сегодня я должен говорить гораздо более кратко, чем в первом случае. <...>

Дорогая Петра, я сердечно поздравляю тебя с присуждением Штарнбергской литературной премии».

Как видим, второй текст начинается официально-вежливым обращением к публике и продолжается более интимным апеллятивом к лауреату, что свидетельствует об избирательном подходе автора текста к этикетным нормам лаудации и об эмоционально-экспрессивных коннотациях текстового смысла уже в его зачине.

К этикетным нормам текста лаудации можно отнести и особый, задаваемый традицией, характер выстраивания в нем субъектно-объектных прагматических и коммуникативно-речевых отношений. Искусный лаудатор, являясь субъектом речевого действия в виде создаваемого текста, должен быть стратегически настроен на усиление в композиции текста прагматической активности «субъектной позиции» чествуемого лица, хотя тот и является для него формально (тематическим) объектом речи, и отодвигать на за-

дний план композиционно-смыслового построения текста номинацию и атрибуцию собственной персоны. Интенция высказываний от 1-го лица лаудатора, если таковые присутствуют в тексте, всегда состоит в том, чтобы сделать смысловой и эмоциональный акцент — исходя из личного (персонального или читательского) переживания, связанного с лауреатом, — на какой-то важный момент биографии и/или творчества последнего.

Так, в *Laudatio* по поводу вручения 3 сентября 2018 года премии имени Франка Ширмахера Даниэлю Кельману президент ФРГ Ф. В. Штайнмайер подробно рассказывает о своей первой встрече с писателем, которого он считал после восторженного прочтения романа *Die Vermessung der Welt* («Измеряя мир») знатоком и опытным путешественником по Южной Америке. Вставной нарратив о знакомстве с Даниэлем Кельманом имеет форму «анекдота» — не в том значении слова, в котором оно используется сегодня в русской культуре, — а в понимании его как короткой, часто остроумной, истории об известном человеке [6, S. 66]. Как и всякий анекдот, история, которую рассказывает президент, интересна и занимательна. Она имеет и собственный «пуант» (неожиданную развязку), заключенный в краткой реплике из прямой речи виновника торжества. Но главный смысл рассказываемой истории знакомства с лауреатом и интенция лаудатора состоят в том, чтобы подчеркнуть с ее помощью незаурядность природы и таланта Д. Кельмана, а также глубину и значительность его прозы:

Ich kenne ihn seit vielen Jahren, genau seit 2006. Ich weiß das wie heute, weil ich damals — als gerade frisch ins Amt gekommener Außenminister — vor meiner ersten Lateinamerikareise stand. Und ich suchte nach Rat und Expertise, kurzum: nach jemandem, der sich auf diesem südamerikanischen Kontinent auskannte. Gerade hatte ich mit Begeisterung „Die Vermessung der Welt“ gelesen und hatte ihn gefunden, den Kenner und langerfahrenen Südamerikareisenden Daniel Kehlmann. Ich ließ anfragen und er sagte tatsächlich zu, mitzureisen. Das erste Mal trafen wir beim Abflug in der Flugzeugkabine zusammen. Meine Freude war riesengroß, ich dankte ihm herzlich und gestand, dies — obwohl Außenminister — sei meine erste Reise nach Südamerika. Darauf er ganz trocken: ‘Meine auch!’ Das war natürlich ein kleiner Schock. Aber auch eine Lehre über die große Empathie und Phantasie eines außergewöhnlichen Schriftstellers. Und meinen ohnehin schon großen Respekt vor ihm hat es noch gesteigert (DBP).

«Я знаю его много лет, если быть совсем точным — с 2006 года. Хорошо помню, как произошло наше знакомство, так как я, незадолго до того вступив в должность министра иностранных дел, должен был впервые посетить Латинскую Америку. И я искал советчика и эксперта, короче, кого-то, кто хорошо знал этот южноамериканский континент. Я только что с восторгом прочитал „Измеряя мир“ и подумал про себя: „Вот он, знаток и опытный путешественник по Южной Америке — Даниэль Кельман“. Я поручил обратиться к нему, и он согласился сопровождать меня. В первый раз мы встретились прямо перед вылетом в кабине самолета. Я был очень рад нашей встрече, поблагодарил сердечно за согласие принять участие в поездке и сознался, что — хоть и являюсь министром иностранных дел — впервые лечу в Южную Америку. На это он сухо ответил: „Я тоже!“ Конечно, это был шок для меня, но, одновременно, и осознание того, насколько велики эмпатия и сила воображения у этого незаурядного писателя, что увеличило мое, и до того большое, уважение к нему».

Описываемая прагматическая «переориентация» субъектно-объектных отношений в тексте осуществляется, помимо уже упомянутых ранее положительных оценок персоны и творчества лауреата и цитации его реальных высказываний в форме прямой, несобственно-прямой или косвенной речи, с помощью ссылок на созданные им литературно-художественные произведения, а также высказываний третьих лиц, прямо или опосредованно характеризующих награждаемое лицо. Так, в интерпретируемой речи Ф. В. Штайнмайера неоднократно появляются реминисценции, связывающие Д. Кельмана с другими широко известными в немецкой и европейской культуре литераторами. Благодаря этому весь текст оказывается пронизанным риторическими фигурами сопоставления, а это, в свою очередь, углубляет историко-культурный контекст речи *Laudatio*:

- (1) *Er ist ein gelehrter Dichter, ein poeta doctus, wie Walter Jens gesagt hätte. Er möchte in der intellektuellen Auseinandersetzung selber klüger werden und macht genau deshalb wieder seine Gesprächspartner klüger (DBP).*

«Он поэт-ученый, poeta doctus, как сказал бы Вальтер Йенс. Он хочет через интеллектуальную дискуссию сам стать умнее, и именно поэтому делает умнее своих собеседников».

- (1) *Günter Grass hat sein „Treffen in Telgte“ mit einer Sentenz eröffnet, die auch für Daniel Kehlmann und seinen „Tyll“ gelten kann: ‘Gestern wird sein, was morgen gewesen ist.’ (DBP).*

«Гюнтер Грасс начал свой роман „Встреча в Тельgte“ сентенцией, которая справедлива и по отношению к Даниэлю Кельману и его „Тиллю“: „Вчера будет таким, каким было завтра“».

Манфред Остен, автор текста *Laudatio*, посвященного вручению литературной премии фонда Конрада Аденауэра известному немецкому поэту Вульффу Кирстену, строит практически всю речь на достаточно объемных цитатах из стихотворений поэта, заканчивая и свой текст поэтическим шестистишием лауреата. Лаудатор соединяет фрагменты стихотворений в смысловой композиции текста краткими тематическими «скрепами» в форме словосочетаний, которые также представляют собой «свернутые» цитаты из высказываний В. Кирстена или его стихов. Такие рассредоточенные по тексту цитатные вкрапления знакомят публику с основными лейтмотивами в поэзии В. Кирстена и сгущают смысл других, объемных (в одну-две строфы) поэтических цитат. К ним относятся, например, цитаты-словосочетания: *das ‘schändliche Vergessen’* («постыдное забывание»), *dieses ‘schnödevergessen’* («это „презренное забывание“»), *der ‘dingetotesgedächtnis’*² («мертвая память вещей»). Кроме того, все цитаты можно рассматривать как пошаговое смысловое декодирование заголовка текста лаудации: *Erinnerte Gegenwart und lyrisches Gedächtnis bei Wulf Kirsten* («Вспоминаемое настоящее и лирическая память у Вульфа Кирстена»), который является компримированной аллюзией, соотнесенной со смыслом всей поэзии лауреата. Например:

Wenn wir heute Wulf Kirsten ehren, so ehren wir in ihm einen Dichter, der mit verstörender Konsequenz immer wieder den verborgensten und sublimsten Quellgrund der Lüge hörbar und sichtbar werden lässt. Es ist dies freilich ein besonders tiefer und leise rauschender Quellgrund. Und es ist ein Quellgrund, den wir heute immer weniger wahrnehmen. Wulf Kirsten hat ihn bezeichnet als das „schändliche Vergessen“.

Ein abgründiges Wort. Denn es ist bei Wulf Kirsten verschränkt mit dem Ende aller Humanität. Das heißt, Wulf Kirsten hat es früh und hellsichtig erkannt: wo das Gedächtnis schwindet, beginnt die Barbarei (KAS).

² Орфография оригинального текста.

«Чествуя сегодня Вульфа Кирстена, мы чествуем поэта, который с паразитическим постоянством помогает нам увидеть и услышать самый скрытый и незаметный источник лжи. Это, действительно, самый глубокий и самый неслышимый источник. И это тот источник лжи, который мы сегодня все меньше воспринимаем. Вульф Кирстен назвал его „постыдным забыванием“.

Слово-пропасть. Потому что у Вульфа Кирстена оно перекликается с концом всякой гуманности. Это значит, что Вульф Кирстен рано и с полной ясностью осознал: там, где исчезает память, начинается жестокость».

Как видим, смысловым ядром приведенного отрывка лаудации (и далее) является «скрытая косвенная речь» с цитированием только самой значимой части слов В. Кирстена *das schändliche Vergessen* («постыдное забывание»). Подобный способ передачи речи помогает лаудатору встроить в собственные оценочные суждения о творчестве поэта фрагмент из его речи, минимальный в аспекте синтаксиса, но значительный для главной темы выступления, сформулированной в его заголовке.

Профессор Эберхард Леммерт, автор другого текста *Laudatio*, написанного и произнесенного по случаю присуждения звания почетного доктора Берлинского свободного университета Гюнтеру Грассу, также идет в большинстве случаев по пути максимальной компрессии и структурно-семантической ассимиляции цитируемых слов писателя с собственными высказываниями. За счет структурного подчинения слов Г. Грасса «авторскому слову» они приобретают в контексте речи лаудатора смысл риторических аргументов, доказывающих справедливость суждений лауреата:

Günter Grass, für den ich hier zu sprechen habe, hat allerdings bereits mit dem ersten Satz einer Vorlesung über 'Schreiben nach Auschwitz' seine Frankfurter Studenten am eigenen Beispiel davor gewarnt, 'zwischen Widersprüchen sesshaft' zu werden. Mit wenigen Strichen zeichnet Grass dort vor einer Generation die extremen Bedingungen, unter denen seine Generation sich zurechtzufinden hatte (GW).

«Гюнтер Грасс, которому посвящено мое сегодняшнее выступление, уже в первом предложении своей лекции о „Литературе после Освенцима“ на собственном примере предупреждал франкфуртских студентов об опасности „застрять между противоречиями“. В этой лекции Грасс несколькими штрихами рисует молодому поколению

картину экстремальных условий, при которых его поколение должно было найти свое место в жизни».

Приведенные выше примеры показывают, что — независимо от способа передачи «чужого слова» (слов самого лауреата или третьих лиц) — в прагматическом плане оно всегда вводится в «авторское слово» лаудатора с целью аргументирования комплиментарного смысла текстового целого и углубления его культурно-исторического контекста.

3. Дискурсивные функции элокутивных средств красноречия и образительности в тексте *Laudatio*

Конвенциональные требования, предъявляемые к тексту лаудации, не исключают, однако, как уже отмечалось выше, использование индивидуально-стилистических средств, мотивируемых желанием автора создать оригинальное по мысли и форме высказывание и повысить его риторическую выразительность, соответствующую торжественности коммуникативно-речевой ситуации и ожиданиям публики. Автор должен, с одной стороны, владеть знанием о конвенциональных правилах построения этого типа текста, а с другой — «уметь играть с ними, сознательно нарушать их, обогащать личными интонациями и, может быть, даже создавать новые, которые станут ориентиром для других»³. Игра эта обусловлена прежде всего потребностью автора текста в привлечении внимания и воздействии, не в последнюю очередь эстетическом, на публику. Лаудатор осознает, что и чествуемый лауреат, и остальные слушатели хотят получить удовольствие от обращенной к ним речи, поэтому он не может не учитывать при ее формулировании «красоту» и образительность языкового выражения, его наглядность и эмоциональную экспрессивность, которые рождаются благодаря необычному, креативному, использованию языковых единиц и оригинальному построению текста.

К сигналам авторской креативности, наиболее часто встречающимся в композиции и архитектонике *Laudatio*, принадлежат в первую очередь тропы и риторические фигуры речи (некоторые из

³ «...um so dann mit ihnen spielen zu können, bewusst von ihnen abzuweichen, sie um einen persönlichen Akzent zu bereichern, vielleicht sogar neue zu schaffen, die für andere einen Orientierungsrahmen anbieten» [7, S. 186].

них уже упоминались выше). Тематически они всегда связаны либо с оценкой самой персоны лауреата, либо с каким-то ярким моментом его творчества или биографии и употребляются как в прямых обращениях к чествуемому лицу, так и в высказываниях, представляющих его с разных сторон публике.

Так, К. Эдшмид продолжает цитированное выше обращение к Эриху Кёстнеру следующими предложениями:

Sie benutzen das Humorige nur so, wie die Chemie sich gelegentlich bestimmter Hilfsstoffe bedient, um ein hochmolekulares Ergebnis zu erreichen. Humor ist das Souterrain des Gebäudes, in dessen Höhe sich die Dachgärten der Heiterkeit erst entfalten. Heiterkeit ist der Weisheit benachbart, nichtder Komik (DASD).

«Вы прибегаете к юмору так же, как химия при необходимости использует вспомогательные вещества, для того чтобы получить высокомолекулярные соединения. Юмор — это подвал здания, на крыше которого только и расцветают цветники веселости. Веселость — соседка мудрости, а не комизма».

Как видим, лаудатор характеризует юмор и веселость Кёстнера с помощью развернутой метафоры-олицетворения, которой предшествует метафорическое сравнение. Эта метафора срastaется с риторической фигурой парадокса (*Humor ist das Souterrain des Gebäudes, in dessen Höhe sich die Dachgärten der Heiterkeit erst entfalten*), которая, в свою очередь, семантически и прагматически проецируется на ранее сказанную фразу: *Diese Heiterkeit in Ihrem Werk wird oft mißverstanden*.

Похожие метафоры и образные сравнения Кёстнера с другими известными поэтами Германии, включая и Георга Бюхнера, премия имени которого вручается писателю, рассеяны по всему тексту. Они помогают слушателям и читателям текста лаудации понять сущность творчества Э. Кёстнера и оценить степень его влияния на мировой литературно-исторический и культурный дискурс:

An Ihren Büchern lernen die Kinder in den Schulen Schwedens und Amerikas die deutsche Sprache. Schon dadurch haben Sie mehr als hundert heutige patriotische Uhlande für Ihr Vaterland getan. Daß Sie dabei kein Bayrischer Hirtenknabe und kein Tiroler Jodler sind, wem soll man das noch erklären? Wenn man Sie im literarischen Raum suchen wollte, so fände man

Sie wahrscheinlich in der Nähe von Heinrich Heine, einer Vogelart zugehörig, die selten über die Landstriche Deutschlands zieht und deren heiterer Gesang nicht vergessen lässt, daß hinter ihm ein Vorhang von Tränen steht (DASD).

«По Вашим книгам дети в школах Швеции и Америки учат немецкий язык. Уже поэтому Вы сделали для Вашей отчизны больше, чем сотня нынешних патриотических Уландов. Нужно ли при этом кому-то объяснять, что Вы не баварский пастушок и не тирольский йодлер? Если же попытаться определить Ваше место в литературном пространстве, то, наверное, Вас можно найти поблизости от Генриха Гейне, так как Вы принадлежите к той породе птиц, которые редко летают над землями Германии и чье веселое пение не дает забыть, что за ним стоит завеса слез».

Приведенный отрывок текста содержит, помимо ироничной антономасии *hundert heutige patriotische Uhlande*, представляющей собой часть фигуры сравнения, две метонимии *kein Bayerischer Hirtenknabe und kein Tiroler Jodler* в составе риторического вопроса, а также развернутую метафору-сравнение, объединяющую двух поэтов Германии, в «веселом» творчестве которых слышится плач (вновь фигура парадокса).

Можно было бы привести много других примеров креативности авторов лаудаций в выборе элокутивных средств, семантика и место которых в системе средств орнаментальности и изобразительности текста различны. Вне зависимости от этого можно утверждать, что фигуры креативного красноречия, так же как и этикетные речевые сигналы, принадлежат к текстовым элементам *Laudatio*, также свидетельствующим о дискурсивной открытости этого вида текста. С их помощью создается неповторимый «модус формулирования», вытекающий из особенностей речевого поведения и индивидуального стиля языковой личности лаудатора и, одновременно с этим, подчиняющийся нормам речевого общения с лауреатом и публикой, принятым в процедуре награждения как особом виде дискурсивной практики.

4. Текстовая позиция *Laudatio* в дискурсе процедуры награждения

Реализуя комплексный речевой акт, требующий как предварительной (мысленной и психологической) подготовки определенного (предписанного) содержания и языковой формы высказывания, так и его публичной устной реализации, лаудация, в свою очередь, включается в регламентированную коммуникативно-речевую процедуру (дискурсивную практику) «Чествование» или «Официальное награждение». Названная процедура представляет собой конвенциональную консеквентную последовательность нескольких (автономных) комплексных речевых актов, ситуационно-тематическое и коммуникативно-прагматическое единство которых создает особый вид дискурса. Как правило, процедура открывается: 1) торжественным приветствием и/или обращением к публике официального/-ых лиц/-а, затем следуют: 2) *Laudatio*, 3) собственно вручение премии и 4) ответная речь-благодарность награждаемого лица.

Каждый из комплексных речевых актов является развернутым риторическим высказыванием (текстом) отдельного автора, отличающимся своей интенциональной установкой от других речевых актов процедуры награждения. При этом лаудация и ответная речь лауреата наиболее близки друг другу по иллокутивной цели, поскольку в них находят интенсивное выражение чувства говорящего (в первом случае лаудатора, во втором — лауреата), связанные с установкой на выражение благодарности и признательности. Объединяет их и схожесть перлокутивной цели — вызвать положительную реакцию и одобрение публики, пассивного, но от этого не менее значимого адресата обоих текстов, которые являются коммуникативно-прагматическими центрами в дискурсивном пространстве официального чествования.

Следует отметить и то, что, принадлежа к общему дискурсу, все (комплексные) речевые акты, формирующие его, опираются в своей основе на три базовые риторические категории, выделенные в свое время Аристотелем. Категория *этоса* находит свое отражение в уместности и уважительном характере речи участников официальной процедуры, а также в ее соответствии нравственным ожиданиям присутствующих, осознаваемом говорящими. *Пафос* изначально окрашивает замысел создателя каждой речи, который

свидетельствует о положительном отношении говорящего к лауреату и оценочной позиции по отношению к чествуемому лицу, солидарной с другими выступающими. *Логос* связан с выбором и комбинацией в речи языковых средств, которые соответствуют торжественности ситуации и повышают убедительность логики и оценок автора, а также создают у публики впечатление «красоты» речи выступающего (ср.: [4, с. 11]).

Кроме того, отдельные речевые акты конвенционального дискурса «Официальное награждение», включая и рассматриваемый акт лаудации, объединены между собой на уровне текста унисонным «стилистическим регистром», для которого характерно слияние торжественно-возвышенного и проникновенно-разговорного тона высказываний, что подтверждают вышеприведенные примеры.

Таким образом, интерпретация композиционно-смысловой и архитектурной структуры современных немецкоязычных текстов *Laudatio* позволила выделить ряд дифференциальных коммуникативно-прагматических и лингвистических признаков этого вида текстов, являющихся сигналами его «дискурсивной открытости». К подобным признакам принадлежит прежде всего актуализация в текстовой структуре абсолютной мелиоративной оценки отдельных (сознательно отбираемых автором) сторон тематического объекта текста — персоны лауреата, играющая роль общего прагматического акцента текста. Эта оценка сопровождается такие «дискурсивные доминанты» текста лаудации, как этикетные формулы обращений к чествуемому лицу и к публике; речевые сигналы усиления «субъектной позиции» лауреата, как то: перечисление его личных качеств, действий и произведений, цитирование высказываний лауреата, а также его произведений и мнений о нем третьих лиц; индивидуально-стилевые орнаментальные речевые средства. Совокупность названных речевых сигналов обуславливает коммуникативно-прагматический статус лаудации как социально устойчивой «дискурсивной практики», реализуемой на основе существующих в культурно-историческом национальном сознании немцев норм коммуникативно-речевой организации публичных актов чествования, а также проецируемой на тексты, которые имеют сходные тематические и прагматические установки (поздравление с юбилеем, текст-благодарность, письмо-поздравление и другие). Дальнейшее изучение подобных текстов с позиций дискурс-анализа представляет несомненный интерес не только

для лингвистики и стилистики текста, но и для лингвопрагматики, а также теории речевой коммуникации.

Источники иллюстративного материала и сокращения к ним

DASD — <https://deutscheakademie.de/de/auszeichnungen/georg-buechner-preis/erich-kaestner/laudatio> (дата обращения: 30.10.2018).

DBP — <http://bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2018/09/180903-Schirmacherpreis-Kehlmann.html> (дата обращения: 22.10.2018).

GW — http://www.geisteswissenschaften.fu-berlin.de/fachbereich/ehrenpromotionen/grass_kertesz/laudatio_laemmert/index.html (дата обращения: 22.10.2018).

JS — https://www.lk-Starnberg.de/media/custom/613_10080_1.PDF?1260196806 (дата обращения: 18.10.2018).

KAS — https://www.kas.de/documents/252038/253252/7_dokument_dok_pdf_7788_1.pdf/f7f3e6ff-d758-059c-9e19-eb99d00bba3c?version=1.0&t=1539665634344 (дата обращения: 18.10.2018).

Литература

1. Античные риторики / ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 352 с.
2. *Иссерс, О. С.* Дискурсивные практики нашего времени. 2-е изд., испр. М.: Ленанд, 2015. 272 с.
3. *Кохтев, Н. Н.* Основы ораторской речи. М.: Флинта; Наука, 2012. 328 с.
4. *Львов, М. Р.* Риторика. Культура речи. М.: Академия, 2004. 272 с.
5. *Формановская Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 480 с.
6. Das Fremdwörterbuch. 9., aktualisierte Aufl. / hrsg. von der Dudenredaktion. Bd. 5. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2007. 1104 S.
7. *Mayer, H.* Rhetorische Kompetenz. Grundlagen und Anwendung. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2007. 241 S.

References

1. *Antique Rhetoric*, ed. by A. A. Takho-Godi. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1978, 352 p. (In Russian)
2. *Issers, O. S. Discursive Practices Nowadays*, 2nd ed., revis. Moscow, Lenand Publ., 2015, 272 p.

3. Kokhtev, N. N. *Basics of Oratory*. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2012. 328 p. (In Russian)
4. Lvov, M. R. *Rhetoric. A Culture of Speech*. Moscow, Academiai Publ., 2004, 272 p. (In Russian)
5. Formanovskaia, N. I. *Speech Interaction: Communication and Pragmatics*. Moscow, IKAR Publ., 2007, 480 p.
6. *Das Fremdwörterbuch*, 9th ed., updated, ed. by Dudenredaktion, vol. 5. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, Dudenverlag, 2007, 1104 p.
7. Mayer, H. *Rhetorische Kompetenz. Grundlagen und Anwendung*. Paderborn, Ferdinand Schöningh, 2007, 241 p.

Гончарова Евгения Александровна

профессор кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

Evgenia A. Goncharova

Full Professor of the German Philology Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia, Doctor of Philological Sciences
Address: 48, Moika emb., Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

E-mail: eagon@rambler.ru

ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК ДОМИНАНТНАЯ КАТЕГОРИЯ ТЕКСТОВ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: диалог, монолог, диалогизация, научный дискурс, стратегия воздействия, языковые средства диалогизации.

В статье обсуждается одна из важнейших текстовых категорий научного дискурса — категория диалогичности. Научный текст совмещает в контаминированной форме признаки монологической и диалогической речи, поэтому представляет особый исследовательский интерес. Коммуникативно-прагматический, антропоориентированный и дискурсивный подходы к описанию языковых феноменов дают дополнительную возможность принципиально расширить исследовательские горизонты, методологический арсенал и систему теоретических понятий, проецируемых на текстовый материал. В результате такого подхода речевой материал обсуждается с точки зрения пронизывающих его коммуникативных категорий. Для текстов научного дискурса важнейшей категорией выступает категория диалогичности. Также в текстовом пространстве реализуются релевантные для научной коммуникации прагматические установки и действия, а именно: аргументация выводов и обобщений, сознательное управление вниманием адресата, метатекстовое комментирование, модальность истинностной оценки и формулирование гипотез, дискретизация подаваемой информации. На эмпирическом материале современного немецкого языка обсуждаются вербальные средства и коммуникативные стратегии эксплицитного проявления диалогичности и названных прагматических установок в текстах научного дискурса — лингвистических статьях, опубликованных в специализированных изданиях. Наблюдается широкое разнообразие использованных языковых средств, что иллюстрируется многочисленными текстовыми примерами. Задействованными оказываются разноплановые языковые средства, но в рамках статьи акцент делается на системном описании лексического инструментария, его семантических характеристик и коммуникативного потенциала. В результате выявляются механизмы языковой репрезентации когнитивно-логических операций, необходимых в процессе исследования и представления его результатов научному сообществу. К таким операциям относятся следующие: констатирование, обобщение, сепарация, противопоставление, сопоставление, отсылка к авторитетам, дистанцирование, истинностная оценка, критика, уточнение, пояснение.

M. N. DMITRIEVA
Saint Petersburg State University

DIALOGIC AS THE DOMINANT CATEGORY OF SCIENTIFIC DISCOURSE TEXTS

Keywords: dialogue, monologue, dialogism, scientific discourse, communicative strategy, linguistic means of dialogicity.

The article discusses one of the most important text categories of scientific discourse — the category of dialogicity. The scientific text combines the features of monological and dialogical speech in the contaminated form, therefore it is of special research interest. Pragmatic, anthropocentric and discursive approaches to the description of linguistic phenomena provide an additional opportunity to expand the research horizons, methodological devices and system of theoretical concepts projected on the text material. As a result of this approach, the speech material is discussed from the communicative point of view. For the texts of scientific discourse the most important category is the category of dialogicity. Pragmatic attitudes and subject action that are relevant for scientific communication are realized in the text space, namely: argumentation in the sphere of rational influence, conscious control of attention of the addressee, metatext comments, modal truth-evaluation, formulation of hypotheses, discretization of the submitted information. On the basis of the empirical material of the modern German language verbal means and communicative strategies of explicit manifestation of dialogicality and named pragmatic attitudes in the texts of scientific discourse — linguistic articles published in specialized publications are discussed. There is a wide variety of language tools used, which is illustrated by numerous text examples. Involved are diverse linguistic means, but in the article the emphasis is on a systematic description of the lexical tools, semantic features and communicative potential. As a result, the mechanisms of language representation of cognitive operations necessary in the process of research and presentation of its results to the scientific community are revealed. These operations include the following categories: identification, synthesis, separation, juxtaposition, comparison, reference to authority, and distancing, the result evaluation, criticism, clarification, clarification.

1. Вступление. Дискурсивное пространство научного текста

Прагматический и антропоориентированный подходы, господствующие в парадигме современных лингвистических исследований, дают возможность разноаспектного восприятия языковой действительности как совокупности фактов и явлений результатов познавательной и речевой деятельности человека. К наиболее значимым прагматическим характеристикам текстов научного дискурса относятся, среди прочих, следующие: аргументативность, ассертивность научного нарратива, адресатно-ориентированность, модусы истинности и гипотетичности. Многоаспектность коммуникации в сфере профессионального общения схематично представлена Т. Рёлке. Схема, предложенная им [9, S. 13], отражает системно-лингвистический, прагмалингвистический и когнитивно-лингвистический подходы к систематизации и описанию научной коммуникации. Важнейшим компонентом схемы выступает оппозиция «Text — Antwort» («текст — ответ»). В результате такого